
Кутищев А.В.

**«ГАЛАНТНАЯ ВОИНСТВЕННОСТЬ»
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО БАРОККО***

Kutishchev A.V.

«Gallant militancy» of the western european baroque

Культура барокко, утвердившаяся в Западной Европе в эпоху Позднего Возрождения, отражала сложные культурно-цивилизационные процессы, происходящие в европейском обществе в XVI–XVII вв. Одним из ее исходных постулатов было отрицание естественности как характеристики существования человека. Естественность определялась как дикость, вульгарность и сумасбродство, что подкреплялось солидным философским обоснованием: по мнению Дж. Гоббса, естественное состояние человека – это анархия, хаос и война всех против всех.

Протест против всего естественного порождал преклонение перед неестественными формами и проявлениями. Не только культура и искусство, но и стиль поведения, мода, образ мысли – все выражалось в гротесковой, вычурной, экспрессивной манере. Европейское дворянство становится горячим ревнителем галантного стиля и изящных манер. Одним из законодателей моды был сам Людовик XIV, личность которого стала олицетворением эпохи.

**Кутищев А.В.* «Галантная воинственность» западноевропейского барокко. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/galantnaya-voinstvennost-zapadnoe-vropeyskogo-barokko>

Вместе с дворянством салонная культура проникает и в военную сферу, утверждая там утонченность и манерность французского двора. Например, брат короля, герцог Орлеанский, появлялся на поле брани напудренным, надушенным, наарюмяненным, с подведенными глазами, в облаке лент, кружев, в сиянии бриллиантов. Даже в бою он не надевал шляпу из опасения помять локоны пышного парика. Подобному поведению следовали и офицеры гарнизонного полка, посвящая практически все утро своему внешнему виду.

Стремление к роскоши, ее навязчивая демонстрация становятся неотъемлемым атрибутом армейской жизни. Изобилие яств, пышность туалетов, многочисленная прислуга, искусство поваров, богатство посуды, фарфор, хрусталь – все это не вязалось с трудностями полевой жизни и военного похода, но становилось важным сословно-статусным критерием. Одно из главных достоинств полковника заключалось в умении содержать роскошный стол – это было главным, за что его ценили командование и сослуживцы.

Целые состояния тратились, чтобы не уронить себя перед королем, выделиться, перещеголять соседей. Иногда казалось, что война для дворянства – лишь повод продемонстрировать галантность манер и щедрость. Стремление к роскоши и обостренное честолюбие порой многих заставляли забыть, что они на войне. Но в основном напускная женоподобность не снижала боевых качеств европейского офицера. Войны эпохи барокко знали и настоящую отвагу, и стойкость, и верность долгу.

Изнеженный и жеманный дворянин бравирует презрением к опасности. Манерное позерство граничит с настоящим героизмом. Залитые кровью, заваленные трупами поля, умирающие раненные, кровь и страдания – эти ужасные картины не просто не гармонировали, но резко контрастировали с культурой галантности, утонченности и комфорта. В такие моменты страдающие нуждались в христианском милосердии, в простом сострадании, в человечности. Но сквозь пелену крови и страдания проступала все та же бравада, позерство и манерное кривлянье.

Эта противоречивость в конце концов трансформировалась в оторванные от реальности ментально-нравственные образы. Противоположественность и иллюзорность почти завуалировали ужасные реалии. Образы войны в европейской культуре все реже стали ассоциироваться с разоренными городами, сожженными селами, с грабежами и на-

силиями, разрухой и страданиями людей. Общественность, почти убежденная в относительной безвредности войны, стала относиться к ней более снисходительно и терпимо. В барочной рефлексии война – не бедствие и не катастрофа, война – это обыденность европейской цивилизации. Войны развязываются с поразительной легкостью и непринужденностью, под самым пустяковым предлогом. Вычурная галантность культивировала войны, придавая эпохе специфические черты.

Барочная война «в кружевах» становится прибыльным делом. Ее романтический ореол привлекает в армию толпы дворянской молодежи, для которой война – это своеобразное развлечение, пусть и сопряженное с риском для жизни. Опасность приятно будоражит дворянскую кровь между наскучившими балами, маскарадами и карточными партиями. Во Франции на рубеже XVII–XVIII вв. в армии служило от трети до половины всей дворянской молодежи.

То, что всегда отталкивало изнеженных аристократов от войны: неустроенность походной жизни, недостаток продуктов, холод, дожди, грязь полевых лагерей – все реже сопутствует европейским армиям. Войско максимально ограждено от неудобств и лишений. Боевые действия ведутся только в теплое время года, армии выводятся в поле в конце мая и завершают боевые действия в конце октября.

В отношении к противнику не было не только ненависти, но и просто враждебности. Корпоративная солидарность офицерского корпуса была неизмеримо выше только зарождавшейся национальной идеи. Аристократия представляла собой космополитичный общеевропейский социальный слой, верный кодексу рыцарской чести. Часто близкие родственники воевали по разные стороны линии фронта, и война никоим образом не посягала на родственные и сословные узы.

Военные манеры и правила, навеянные культурой барокко, сохранялись вплоть до Великой французской революции. Крах феодального строя прежде всего отразился на военной сфере, где дворянство окончательно утратило свою монополию и привилегированные позиции. Изменился и характер войн, их военно-практическая реальность и ментально-этическая образность.

Однако культурные традиции не исчезают бесследно, они находят свое продолжение в делах и поступках грядущих поколений, возрождаясь в новых смыслах и формах. Так, отблески «салонной», «легкомысленной» воинственности прошлого всегда присутствовали в современном европейском сознании и в эпоху его зарождения, и в эпоху

его зрелости. Речь идет о некотором тяготении к военно-силовым методам европейского общества XIX–XX вв., о легковесности принятия военных решений, о слабости нравственного иммунитета к милитаризму, об относительно низком ментальном пороге соскальзывания к войне. «Атлантическая» воинственность доказала свою жизнеспособность и неискоренимость, пережив даже апокалипсис мировых войн.

Между тем европейская воинственность резко контрастировала с русским культурным кодом, с природным отвращением русского простонародья к войне, что неоднократно отмечалось иностранцами, посещавшими Россию. Салонная отвага, показная бравада и гротесковая декоративность отторгались не только русской культурной традицией, но и самой природой восточной войны. Если на Западе война была делом благородного рафинированного дворянства, то на Востоке – тяжким мужицким трудом «служилых людей». Нравы и стиль европейского дворянства были чужды помещику-земледельцу. Ментальная атмосфера русских армий была иной, представляла собой симбиоз высоких духовных добродетелей и холопской покорности, со своеобразным понятием воинского долга и полным неприятием честолюбия.

Эпоха барокко явилась очередным историческим этапом, продолжившим сложный и многовековой культурный процесс расхождения Западной Европы и России. Своеобразие в восприятии войн и военного дела XVII–XVIII вв. можно рассматривать как заметный штрих в многообразной палитре самобытных, часто соперничающих и противостоящих друг другу культур.

Фетисова Т.А.